

Андрей Кокоулин

**Демон
Аль-
Джибели**

Андрей Кокоулин
Демон Аль-Джибели

«Издательские решения»

Кокоулин А.

Демон Аль-Джибели / А. Кокоулин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748843-7

Повесть. Восточное фэнтези. Думал ли демон-ойгон Бахма-тейчун, лишенный половины души, что люди станут его спасением? А кем станет он для них?

ISBN 978-5-44-748843-7

© Кокоулин А.
© Издательские решения

Демон Аль-Джибели

Андрей Кокоулин

© Андрей Кокоулин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Только Колька накрыл ладошками коричневого, в какой-то светящейся слизи жабенка, только отжал палец, чтобы посмотреть, там он или нет, как кто-то потянул его за ногу. Разумеется, это был Витька Жук. То есть, Жуков, конечно же.
– Дай посмотреть, – сказал Витька.
Ну никакого терпения!
И вообще, кто поймал? Колька поймал. Значит, и смотреть ему первому.
Жабенок щекотно тыкался в ладони изнутри.
– погоди ты, – сказал Колька приятелю. – Здесь тихонько надо.
– Ты только не упусти, – прошептал Витька, подползая ближе. Его черные глаза наблюдали за Колькиными руками с тревожным ожиданием. – На него дождь загадать можно. Или даже электрическую грозу!
– Ха! – Колька сел у канавы, наполненной мутной водой. – С ним все, что угодно, можно! Он же светящийся!..

Бахмати убрал ладонь с потного лба мальчишки.
Что за чудеса ему снятся! Станный мир, странные имена. Странное животное – жабенок. Бахмати причмокнул губами.
Ну да ладно!
Он поймал мизинцем невидимую нить яхун-тинтак – пустыной болезни. Нить обвилась вокруг пальца, серая, с черными утолщениями. Жадная до новой жертвы. Теперь слегка потянуть...
Родителям Сомхали, старому носатому Горхану и немолодой уже Касин, наверное, казалось, что Бахмати просто водит ладонями над дрянным одеяльцем, укрывшим тело их двенадцатилетнего сына, но там, где жила яхун-тинтак, его пальцы ловили все новые нити.
– Выше лампу!
Свет испуганно плеснул к потолку, тень Бахмати, увеличившись, прыгнула к ребенку, а нити на мгновение стали видимы.
Ахнула за спиной Касин.
– Ни слова! – рявкнул Бахмати.
Поддернуть, сплести хитрой косичкой, шевеля запястьями, сцепить еще несколько тонких отростков-волосков.
Ага! Последние движения наконец-то заставили показаться саму яхун-тинтак. Похожая на ком пыли с черной живой сердцевинкой, словно любопытная женщина, она проросла сквозь грудь мальчишки.
– Ах, бабушка яхун-тинтак, – зашептал Бахмати, – дай-ка я тебя...
Косички задрожали в пальцах.
Чуть-чуть вверх, пауза, приопустить, осторожно завить нити ближе к сердцевине. Хорошо. Теперь медленно, не дыша...
Опускаясь по нитям, Бахмати одновременно приподнимал саму яхун-тинтак. Мгновение – и пустынная болезнь закачалась над Сомхали вся, даже маленький вертлявый хвостик вышел, неуверенно шупая остывший ночной воздух. Будто сердце билась внутри косматого серого кома черная горошина.

Ап!

Подкинув яхун-тинтак, Бахмати поймал ее в сплетение собственных нитей, ужал и быстро спрятал в вырез халата. Спи пока, бабушка.

Тут же ожил, закашлялся и заплелся пеной мальчишка.

– Воды, – скомандовал Бахмати.

Качнулась лампа, деля комнатку на светлое и темное, пропала и появилась Касин, протянула медный кувшин дрожащими руками.

– Не мне, ему, – наклонил голову Бахмати.

– Сомхали! Сынок!

Касин упала на колени возле лежанки. Полилась вода, омывая лицо Сомхали, струясь на земляной, плотно утрамбованный пол.

Мальчишка дернулся.

– Пей, сынок, пей. Все хорошо.

Рука матери приподняла голову сына.

Под стук зубов о медный край и гулкие глотки Бахмати кивнул самому себе.

– Я сейчас вернусь, – сказал он старому Горхану и вышел из хижины в ночь.

На темно-синем бархате неба сияли крупные звезды.

Земля была черна. Сгустком тьмы тянулась к звездам молитвенная башня. Где-то справа брякала колотушка охранника Зафира. Звук колотушки из-за расщепленного дерева был потрескивающий, дребезжащий, ни с чем не спутаешь. Спите спокойно! Только заткните уши! На недостроенной городской стене мерцали огни факелов.

Бахмати тихо свистнул.

Из шелеста в конце улицы возник шар перекасти-поля, прокатился по тележной колее, подскочил и верным псом замер у ноги. Разве что сандалию не лизнул.

Иголками торчали соломинки.

Бахмати вынул из-за пазухи яхун-тинтак, раздвинул колючие ветки и посадил ком пустынной болезни внутрь.

– До свиданья, бабушка.

Оглянувшись, он подтолкнул перекасти-поле, и шар, ширкнув по стене соседского дома, исчез в переулке, выходящем прямо в пустыню.

Из-за низкой ограды раздался смешок.

Бахмати замер, потом, учуяв силу дочери Оргая-многонога, улыбнулся:

– Привет тебе, Айги-цетен.

– И тебе привет. Смотрю, обжился среди людей.

Дочь Оргая выступила из тьмы под свет звезд. Затлели сизым чешуйки, очертилась женская грудь. В раскосых глазах затанцевали снежинки.

Бахмати развел руками.

– Обжился.

– И что тебе с них? – Айги-цетен обошла Бахмати по кругу. – Они слабы, в них силы – на один глоток. Ты же пьешь их?

– Пью.

Дочь Оргая расхохоталась. Стукнул по земле ящеричный хвост.

– И тебе хватает?

– Я экономен, – скромно сказал Бахмати.

– Ты слаб, как и они.

Бахмати прищелкнул языком.

– Хочешь сразиться со мной?

Дочь Оргая качнула головой.

– Только не здесь, где тебя приняли. Но в пустыне... Ах, не попадайся мне в пустыне, или нет, лучше попадись!

Айги-цетен облизнула язычком губы.

– Чего тебе надо? – спросил Бахмати.

– Отец зовет тебя.

– Только меня?

– Всех окрестных ойгонов. И карриков. И суккабов. И даже кое-кого из мертвого народца. Я не шучу.

Бахмати нахмурился.

– Что-то случилось?

– Вот что значит жить среди людей! – снова рассмеялась Айги-цетен. – Бедный-бедный Бахма-тейчун! Разве ты ничего не слышал о падении Кабирры?

Бахмати пожал плечами.

– Кабирра? Которая с той стороны Темных гор? Зачем мне что-то о ней знать? Мне хватает этой земли.

– Глупый-глупый Бахмати, – глаза дочери Оргая оказались вдруг напротив его лица. – Все забыл, все растерял. Зря ты тогда схватился с Тахир-бечумом, он был сильнее, и он остался сильнее...

Тонкий ноготок медленно скользнул по впалой щеке.

– Это была твоя прихоть, – Бахмати отклонил руку Айги-цетен. – Или не помнишь?

– Не помню. Камни помнят, песок помнит, а зачем помнить дочери могущественного Оргая? Не я проиграла половину души, не я ушла на восток, не я нашла себе городишко, в котором топлю горе. Так зачем помнить?

Бахмати скрипнул зубами.

– Когда зовет Оргай?

– К полной луне, – улыбнулась Айги-цетен. – Через два дня.

Она медленно отступила в глубокую тьму оград. Мгновение Бахмати еще видел ее силуэт, а затем дочь Оргая пропала. Бесшумно и незаметно, как умеют все ойгоны ночной пустынной природы.

– Спите спокойно!

Из-за угла вышел Зафир и стукнул колотушкой.

Над Зафиром, освещая ему путь, висела масляная лампа. Она крепилась к изогнутой жерди, которую здоровяку, обматывая тучное тело, веревкой привязывали к спине.

Лампа, покачиваясь, бросала пятна света на стены хижин и стволы сливовых деревьев.

– Все спите!

Зафир охранял покой в халате и мягких войлочных туфлях. Кроме того, на шее его висели амулеты из сливы, карагача, серебра, меди и персиковых косточек, которые должны были отпугивать всякую пустынную нечисть.

В амулете против тейчун-ойгонов, пустынных демонов места, Бахмати как-то прокрутил особую дырочку и, делая безопасным, просвистел сквозь нее свое имя.

– Зафир! – улыбаясь, он устремился к стражу быстрыми шелестящими шагами.

– Бахмати! – здоровяк распахнул объятия.

Звякнули амулеты.

Зафира было сложно обхватить руками. Он пах потом, сладостями и перцем.

– Зафир, – сказал, отстранившись, Бахмати, – тебе не следует стучать так громко.

– Почему? – удивился страж. – Демоны не боятся меня?

Маленькие глаза его мгновенно наполнились слезами, а рот скривился, как у обиженного ребенка.

– Боятся, конечно, боятся, – успокоил его Бахмати. – Видишь, никого нет. Но людям хочется и поспать.

– Они могут спать спокойно, – повеселел Зафир и крикнул в ночное небо: – Спите спокойно!

Бахмати перехватил дребезжащую колотушку.

– погоди, – сказал он здоровяку, – как они могут спать спокойно, если ты кричишь?

Зафир нахмурился.

Палец его полез в ноздрю и там застрял.

Бахмати наблюдал, как мысль бродит внутри Зафира. Вот она словно бы толкнулась в правую сторону лба, вызвав излом брови, вот с языком надула щеку, а вот – по взметнувшейся пятерне – ударила в затылок.

– Ха, Бахмати! Непростая задачка.

Страж переступил. Палец нашел вторую ноздрю. Наверное, так тоже можно дотянуться до умной мысли.

– Ты подумай, подумай, – Бахмати взял здоровяка под локоть и повел в конец улочки. – Только не здесь, хорошо? Завтра ответишь. Пока, Зафир.

– Пока, Бахмати, – прогундел страж.

Бахмати подождал, пока тот не утопает, посвечивая лампой на низкие крыши, в сторону базарной площади, и, вздохнув, вернулся к семье Сомхали.

Мальчишка уже сидел на лежанке, обхватив руками худые ноги, и дрожал. Под светом лампы выпирали спинные позвонки.

В тишине постукивали зубы.

– Холодно? – спросил его Бахмати.

Из-под спутанных волос моргнул черный глаз.

– Там было так хорошо, – тоскливо сказал мальчишка.

– С яхун-тинтак всегда так, – сказал Бахмати. – Забирая жизнь, она дарит яркие сны.

– Ну и пусть!

Бахмати в два шага оказался рядом, поймал в кулак клок волос, вздернул голову Сомхали так, что на свет появились лоб, второй глаз и искривленный, мокро поблескивающий рот под горбатым носом.

– На них посмотри, – указал он на жмущихся друг к другу Горхана и Касин. – Вот твои родители, здесь, а не там. И они любят тебя больше, чем свои жизни, потому что пригласили меня. Ты знаешь, что такое – пригласить меня?

– Не надо, – застонал мальчишка, хватаясь руками за запястье, увязшее в волосах.

Несколько мгновений Бахмати безумным взглядом сверлил его лицо.

– Мне было бы стыдно, – сказал он наконец.

И разжал пальцы.

Сомхали скрючился. Касин кинулась к нему.

– Ах, сынок, не говори так больше!

Бахмати, поймав за рукав Горхана, вышел с ним из комнатки. За узким проходом открылся внутренний дворик с палками высохших деревьев и холмиком тандыра. Сквозь решетчатый навес сияли звезды.

– Ты готов? – спросил Горхана Бахмати.

– Да, господин Бахмати, – произнес Горхан.

И хоть голос его дрогнул, Бахмати не различил в нем страха.

– Сядь.

Горхан сел на короткую скамеечку и откинул голову. Ни дать ни взять – старик, отдыхающий после трудового дня и заинтересовавшийся небом.

– Как всегда, у тебя есть выбор, – сказал Бахмати, присев на корточки, и беря ладони Горхана в свои. – Или время жизни, или глубина чувства. Выберешь первое, из времени твоей жизни вычтется год. Выберешь второе – и станешь любить жену и сына на четверть меньше от сегодняшнего. Ты понял?

– Да.

– Я спас твоего сына от яхун-тинтак. Справедлива ли плата?

– Да.

– Твой выбор?

– Год жизни.

– Что ж, – ладони Бахмати засветились. – Горхан Ильмурри жертвует Бахма-тейчуну год своей жизни. Да будет так.

Мягкий огонь перекинулся на руки Горхана. Пульсируя, он поднялся к плечам и выше, осветил лицо так, что черты стали неразличимы. Несколько мгновений, дыша с присвистом, Горхан пылал будто ламповый фитиль.

Затем сияние пригасло, и усталый огонь медленно потек обратно, в предплечья, в ладони, к Бахмати. И Бахмати принял и растворил его в себе.

Лицо Горхана, потемнев, застыло маской – постаревшей, изрядно потрескавшейся. Морщины чуть глубже изрезали щеки, несколько новых побежали от глаз к вискам, усохли губы, посеребрилась борода.

– Жертва принесена.

Бахмати встал, втягивая ночь ноздрями.

О, ночь стала пахнуть по новому. Четче, ярче, богаче. Она пахла на целый дневной переход вглубь, расцветала оттенками и следами.

Он уловил слабый запах дочери Оргая, уходивший к северу, запах воды из родника, запах спящего города, ленивый и сухой, полный сонного бормотания. На западе гонялся за сусликами мертвый народец. У древних, почти съеденных песком развалин закапывался в яму побитый, солоно пахнувший каррик.

Скоро утро.

– Что теперь, господин Бахмати?

Горхан боялся пошевелиться. Он слышал, как даже в неподвижности сами по себе похрустывают кости. Это его пугало.

– Ничего, – сказал Бахмати. – Живи дальше. Я взял только год.

Горхан рухнул со скамейки на колени, кончики пальцев его благоговейно прикоснулись к носкам туфель Бахмати.

– Как вас благодарить?

– Никак. Незачем.

Бахмати повернулся и, оставив постаревшего на год Горхана медленно выпрямляться и вставать на ноги, через низкую, кривую ограду из глины и камней перешел на соседний двор, двор гончара Хатума. Здесь росли персики, и он сорвал один, тут же засунув в рот.

Персик был незрелый, твердый, как камень, но зубы Бахмати с легкостью раскусили его, впитывая кисловатый сок.

Стояли в ряд гончарные круги – малые ученические и большой – самого гончара. Темнела печь для обжига с широкой и голодной пастью. В яме намокала глина для кирпича-сырца. На открытой площадке сохли кувшины и миски, наклепанные учениками. Некоторые уже треснули и скособочились.

– Кто здесь?

Бахмати повернул голову.

В дверном проеме, в одной набедренной повязке стоял мастер Хатум. Лицо его было спокойно, а незрячие глаза смотрели прямо на ойгона.

– Это я, господин Хатум, – поклонился Бахмати.

Несколько мгновений гончар прислушивался к звукам голоса.

– А-а, – улыбнулся он, – хранитель нашего города. Присядем?

– Да. У меня есть вопрос.

– Это интересно.

Они сели на скамейку под персиковым деревом.

Хатум был совсем не стар. Едва за сорок. Жилистый, невысокого роста, загорелый до черноты. Он ослеп в двадцать пять. Караван, которым везли кувшины на базар многолюдного Шамшета, заплутал в окрестностях Буйсан-Голе. Хатум по нужде отошел за бархан и не вернулся. Пропал. Обычное дело в тех местах.

Даже искать не стали. Где исчез верблюд, может исчезнуть и тысяча. Известная поговорка.

К Шамшету Хатум вышел сам, но уже слепой – глаза навсегда закрыла белая пленка. Что с ним случилось, гончар не помнил. Была ли его слепота наказанием злого ойгона или случилась сама по себе, так и осталось неизвестным.

Зато из-за слепоты открылось ему другое зрение. Мастер Хатум иногда прозревал тайное.

Персиковое дерево пахло сладкими соками. Еще один оттенок в аромате ночи. Да, год жизни пьянит.

– Сегодня приходила Айги-цетен, – сказал Бахмати.

Он увидел, как Хатум улыбнулся в темноте.

– А-а, знаю эту ящерицу. Опасная и злопамятная.

– Оргай-многоног собирает большой Круг.

Улыбка пропала с лица Хатума.

– Что-то случилось?

– Или случится, – Бахмати хрустнул пальцами. – Я как раз хотел спросить тебя, не видишь ли ты...

– Это ты видишь даже в ночи.

– Я могу вернуть тебе зрение, – быстро сказал Бахмати. – На день.

Хатум рассмеялся.

– Неплохая плата для человека. Но я привык к слепоте. И научился не жалеть об утраченном. Мир несколько не изменился, скажу тебе.

– Чего ты хочешь тогда?

– Чего?

Гончар повернул голову, и белесые глаза, казалось, заглянули в Бахмати.

Жест, отгоняющий духов и мертвый народец, получился у Бахмати сам собой. Скрещенные указательный и средний повернулись у горла.

Совсем обжился, подумалось Бахмати. Все делаю как человек. Смешно.

– Хочу, чтобы ты сегодня не брал с людей платы, – сказал Хатум.

– От сейчас до полуночи? – уточнил Бахмати.

– Да, – кивнул гончар. – А все, что ни попросят, ты для них выполняешь.

– Но только, что смогу, и ты никого об этом предупреждать не будешь.

Хатум вновь рассмеялся.

– Хорошо. По рукам?

Бахмати помедлил, затем осторожно пожал протянутую Хатумом ладонь.

– Вы, люди, любите обманывать...

Гончар фыркнул.

– Кто бы говорил! Знаешь присказку: «Снять с языка демона»?

– А у нас говорят: «Язык у людей, что ветер – подует в одно ухо, а песок ищи в другом».

Хатум хлопнул ладонями по голым коленям.

– Хорошо сказано! Так что ты хочешь, чтобы я увидел?

Бахмати задумался.

Взгляд его ушел в перекрестье ветвей и выше, к звезде Галил, еще названной Путеводною. С вопросом не следовало торопиться. Задашь неправильный, день потеряешь зря. Задашь сложный, вряд ли услышишь простой ответ.

Тяжело с людьми.

Союн – Отец всего сущего – создал их обманчиво-слабыми. Но слепому гончарному мастеру дал вдруг способность зреть.

– Кабирра, – сказал Бахмати. – Что там произошло?

– Это прошлое, – чуть двинул бровью Хатум. – Не хочешь спросить о будущем?

– А разве будущее неизменно?

– Будущее – это бархан. Сегодня одно, завтра другое. Песок из людей и демонов – всегда песок, но как его надует ветер истории никому не известно.

– Тебе бы, гончар, акыды петь, – усмехнулся Бахмати.

– А я и пою, – сказал Хатум. – Когда никто не слышит. Выхожу ночью и пою.

– Еще Зафира позови.

– Не хочу лишать людей и так хрупкого сна.

Они посмеялись.

– Кабирра, значит, – посерьезнел Хатум. – В какой стороне?

– За Темными горами Эль-Фаруна, на северо-западе.

– Фирузцы к ним, кажется, месяц назад большим караваном ушли. Или не к ним?

– К ним и дальше, в долину Зейнаб, к Самхарде, Думману, Великой Порте.

– Все, молчи.

Лицо гончарного мастера застыло, став достойным зубила знаменитого камнетеса Шивара ас-Мактубы. Скулы, губы, слепые глаза. Молния морщины, раскалывающая лоб. Камень темный, но на белки пошло немного слюды.

– Странно.

Невидимое зубило добавило Хатуму узкую впадинку в уголке глаза. Словно он слегка прищурился, рассматривая неясную картину. Так дети пытаются угадать отцов в проступающих из пылевого облака фигурах.

Бахмати стиснул в кулаке персиковую косточку.

– Странно, – повторил гончар.

Он резко откинулся назад, едва не задев затылком ствол дерева. Невидящий взгляд его устремился вверх, рот приоткрылся. Дрожь пошла по плечам, по рукам, скрипнула скамья, пятки выбили углубления в плотной земле.

Несколько мгновений Бахмати наблюдал дикий танец мышц и сухожилий, шевеление кожи, щелчки суставов. Затем все прекратилось.

Хатум вдруг выдохнул, будто пропустил удар в средоточие. Тело сложилось к коленям, руки мертво повисли.

Ни дыхания, ни биения сердца.

Но не успел Бахмати испугаться, как гончар вновь запрокинул голову и выплюнул в ночное небо:

– Кашанцог!

От имени дохнуло могильным холодом.

Хатум же обмяк и навалился на Бахмати, царапая-тиская полу халата. Слюна изо рта увлажнила демону шею.

– Кашанцог.

– Это все? – Бахмати, морщась, вернул слепого гончара на его место.

Хатум устало кивнул. Бахмати щелчком отправил персиковую косточку в один из кувшинов. Не попал.

– Этого мало для уговора.

– Сейчас, – поднял руку Хатум. – Погоди... Я не увидел Кабирры.

– То есть?

– Мне не дали увидеть ее. Я пытался, но меня вышвырнули вон. Как букашку. Я только спросил: «Кто?», и мне ответили...

– Кашанцог, – закончил за слепого Бахмати.

Хатум неуверенно нащупал плечо ночного собеседника и поднялся.

– Я пойду.

Он добирался до дверей дома так, словно неожиданно забыл, где и что расположено. Сухие пальцы, ткнувшись в стену, осторожно повели невидимую линию.

– Я не знаю этого имени, – сказал Бахмати в узкую спину.

Гончар на мгновение замер.

– Странно, – в третий раз произнес он и канул в проеме.

Бахмати остался сидеть.

Запахи ночи звучали уже приглушенно. Тонкая рассветная полоска наметилась над плоскими крышами. Пахло будущим зноем.

Надо бы поспать, подумал Бахмати.

Собственно, он не умел спать как все люди, но научился впадать в сладкое оцепенение. Там проживалось прошлое, и дни, и годы, и тягучие, как барханы в безветренный полдень десятилетия, но все было по-другому. Тахир-бечум проигрывал каждый раз, а Айги-цетен... Айги-цетен танцевала для него, как умеют только смешливые огни над ночными песками. Айги – значит, огненная.

Почему он так устроен, что не может забыть?

Люди вот могут. Спроси любого старика, что он делал вчера – не ответит. Спроси любого о дне, прошедшем годы назад – не вспомнит.

Айги-цетен смеялась, глаза ее звали: иди, сразись, покажи, что достоин, ты же храбрый, милый мой Бахма?

Хватит!

Удар по щеке отрезвил. Не о том думаю, сказал себе Бахмати. Прошлое давно под песком. Рой не рой – наткнешься лишь на мертвого караванщика. Даже люди говорят: не ищи сокровища, утерянного в пустыне.

А Кабирра не видна...

Он поднялся, затем легко запрыгнул на крышу, с нее перескочил на стену, возведенную Обейди и его сыновьями. Дом Обейди, длинный, с пристройками, так как в нем жили целых четыре семьи, Бахмати тоже пересек поверху, невольно прислушиваясь к детскому плачу в дальнем углу. А, мимо дела, вот уже проснулись, вот уже дали грудь. Нет плача, одно чмокание.

Кашанцог.

Не простое было имя. Напоминало о древних ойгонах, каннахах, Старших, когда-то вставших против айхоров Союна и низвергнутых вниз, в подземные огонь и тьму.

Что Бахмати? Что даже Оргай-многоног? Мы – мелочь, демоны пустыни, троп и скал. Демоны ночи, демоны места. Мы не грозим небесам и не требуем отмщения.

Мы просто живем, а вот каннахи...

Если один из них выбрался, он будет собирать войско. И Оргая придется определяться, воевать с каннахом или присоединиться к нему. Впрочем, скорее всего, многоног уже за всех все решил, и созывает большой Круг, только чтобы сказать: будет так!

А как будет?

Бахмати невесело усмехнулся. Да, названное Хатумом имя стоило уговора. Хитры людишки, того и гляди на шею сядут.

Впрочем, век их короток.

Бахмати спрыгнул на землю, подождал, пока Зафир, пыхтя и поплескивая ламповым светом на крыши, завернет к площади на новый круг и, скрипнув хлипкой дверью, забрался в свою хижину. Хвала Союну, толстяк перестал голосить. Надо будет еще какую-нибудь ему задачку придумать. Только вот не пропадет ли после этого Зафир как страж и не возникнет ли Зафир-мудрец? Что будет хуже?

Бахмати опустился на жесткую лежанку.

За двадцать лет он и сам не заметил, как почти по-человечески обжился. Конечно, до дворцов Порты далеко, но ковров и подушек у него в избытке. Если оглянуться, три стены в коврах. Турманский рисунок на одном рассыпал рыжие цветы. По фирузскому полю другого бежали черно-белые тигры. Бухарские нити третьего сплетались в лозы дикого винограда. На низком столике в медной чаше желтели сливы. Протяни руку – кушай. Подушки были мягкой горой насыпаны у очага.

Кувшины. Пиалы. Тазы. Сундуки. Отрезы полотна. Безделушки и поделки. Он не отказывался от подарков, а многое принял платой за свои услуги. Была даже бочка, которую по странному обычаю полагалось заполнить водой и там мыться, натирая себя кусачей белой глиной.

Зачем взял – поди разбери. Ему и от облика-то человеческого избавиться – в ладони хлопнуть, но вот же, стоит бочка, ждет прихоти.

Нет, все же это Порте далеко до его хижины.

Бахмати повернулся на бок, подтянул подушку. Куда как приятнее. Мысли поплыли медленно, как воды в пересыхающем арыке.

В полдень из южного порта Илем-Тара ожидался караван достойного купца Гасана аль-Шавахи. К его появлению хочешь не хочешь, а надобно быть на базарной площади. Так бы, конечно, он, исполняя уговор, весь день провалялся на лежанке. Хитрость на хитрость – запрета на затворничество не было.

Но раз караван...

У Бахмати имелось дело с неким ойгон-дибха, демоном пути по имени Зильбек, наблюдающим за верблюдами и товарами Гасана аль-Шавахи в дороге. В обмен на золото Зильбек обещал ему достать черную жемчужину, вещицу редкую, дорогую и совершенно необходимую при нынешней суетливой жизни. Всем известно, что черные жемчужины умеют копить жизненные силы владельца.

Еще когда Бахмати изгнали в Хэбиб, соленую каменистую пустошь, которую даже мертвый народец обходил стороной, он мечтал именно о жемчужине. Он брал жизни скорпионов и змей, поддерживая остаток души, а неделями и вовсе не брал ничего, зарывшись в песок от палящего Ока Союна – солнца, и думал: вот была бы жемчужина, да, была бы жемчужина, эх, жемчужину бы сейчас...

Куда уж без навязчивой мысли, спите спокойно!

Бахмати поворочался, кряхтя, как старик Гохран, и поймал себя на том, что ему нравится перенимать человеческие привычки, эмоции, звуки. Как ни странно, длинная жизнь ойгонов куда беднее короткой людской.

Наверное, подумалось ему, потому Союн и назвал людей своими детьми. Они умирают, не успев родиться, но за короткий миг своего существования дарят ему больше радости, чем все ойгоны и айхоры вместе взятые.

Впору спросить себя: а ты, Бахмати, способен так? Впрочем, куда ему, ойгону-калеке, ойгону с половиной души...

Наши желания просты: наполнить себя чужой жизнью, пока не утекла своя. Никакой радости. Никаких небес. Все у земли.

Бахмати понял, что не заснет сегодня, спустил ноги с лежанки и остановившимся взглядом долго смотрел в щель между окном и ставнем. Щель, словно иссиня-черной глиной, была залеплена мазком ночного неба.

Есть ли такая глина на свете, Бахмати не знал.

Когда щель треснула красным волоском восхода, он перебрался к северной стене и, прошептав несколько слов, разрыл мягкую землю. Тряпица с золотом была на месте. Бахмати выдернул ее из тайника и брякнул на стол.

Прыгнула из чаши, покатилась слива.

Узел не сразу поддался пальцам, но Бахмати посопел, подцепил нужный край, и тряпичные концы распались сами, открывая тяжелые браслеты, узорчатые пластины и горку монет давно исчезнувшего в веках шахрия Гунбу.

Вот ведь, жил-был себе славный шахрият, составляли его наверняка славные люди – и что от них всех осталось?

Бахмати качнул головой. Все проходит, все.

А пустыня поиграла золотыми цацками и выплюнула их чуть ли не к окраине Аль-Джибели. Бывает и такое. Впрочем, если бы не слепой Хатум...

Гончар тогда заключил удачную сделку: Бахмати становился жителем городка, а плату получал золотом, которое никогда Хатуму не принадлежало.

Нет, далеко ойгонам до людей.

Бахмати, возможно, и затаил бы обиду, да обнаружил, что сам рад остаться. Вот так – рад. Совершенно по-человечески. Думалось, иной раз надо потерять половину себя, чтобы обрести нечто большее.

Бахмати подержал на весу один браслет, другой, затем взял пластины. Массивные, с неведомыми зверями, бредущими по узорчатому контуру, они, видимо, ковались то ли для украшения дворцовых палат, то ли для шахского доспеха. Песок слегка стер черты с выпуклых морд. Звери уже не скалились, а чуть ли не улыбались.

Хватит Зильбеку двух пластин? Вряд ли попросит больше, и так полтора фессаха веса.

Солнце забралось в щель красным лезвием, прорубилось сквозь подушки, столик и ковер к лежанке, нашло Бахмати, блеснуло золотом.

Утро.

А Кабирры не видно. Почему?

Бахмати убрал пластины за пазуху, остальное завязал обратно в узел, но закапывать передумал, придавил подушкой на лежанке. Вдруг все же понадобится.

За стенами хижины оживала Аль-Джибель.

Стучал молоток кузнеца Аммухуза, мемекали овцы Магмета и Ончой, им в ответ взрывал верблюд однорукого Салима, шелестели шаги отправляющихся к полям и оросительным канавам. Звенели детские голоса.

– Я – айхор!

– Нет, я – айхор!

Все слышно.

Матери и жены готовили лепешки и каши в тандырах и печах, тонкие запахи кизяка и саксаула затекали, крутились, уходили к небу.

Повизгивали гончарные круги. Выкрикивая: «Вода! Кому воды?», пробежал водонос с бурдюком за плечами. Шум и гам стоял в доме Обейди – то ли ссорились, то ли собирались за сливами. Щелкала рама ткацкого станка.

В короткие асаны до того, как Око Союна выкатится в зенит, Аль-Джибель спешила расправиться с делами. Потом можно будет нежиться в тени навесов и стен, потеть, пить горячий чай-карач с добавлением дикой мяты, но не сейчас, не сейчас.

Открывались двери и ставни, выплескивались ночные горшки, рыхлили землю тяпки с мотыгами, звенел цепью вол, проворачивающий мельничный жернов, мел базарную площадь Зафир, превратившись из стража в ревнителя чистоты, хлопали ткани, в ожидании полуденного каравана тянулись к торговым рядам телеги и тачки с овощами, мукой, пряжей, нехитрой утварью – руки на оглобли и вперед, вперед, заставляя проворачиваться скрипучие диски колес.

Бахмати вдохнул Аль-Джибель и выдохнул.

Хорошо! Живет город – живет и он, Бахмати. А на тонкую ниточку тревоги, вплетающуюся в утро, – плюнуть и растереть.

Кабирра, Кашанцог – далекие слова. И пусть се...

Тр-рум-тык-гум! Бахмати вздрогнул. Стук в дверь отозвался в половинке души. Дрожишь, Бахмати? С чего бы?

Светлое пятно длинной рубашки-камулы плясало в прорехах между досками. Живой, нетерпеливый, приник к щели острый мальчишеский глаз.

– Дядя Бахма!

– Чего? – крикнул Бахмати через дверь.

– У нас коза ногу сломала.

– Это ты, Наиль?

– Я, дядя Бахма.

– А что за лекарем не побежал?

– Так дядя Аскер на солончак ушел.

– Ох-хо-хо. Ладно.

Бахмати подтянул пояс халата, поправил золотые пластины и вышел в медленно нарождающийся зной.

– Это не гончар тебе посоветовал?

– Нет, дядя.

– А кто?

– Коза ногу сломала.

Мальчишка смотрел бесхитростно. Поди разбери этих людей. Особенно маленьких. Коротко, ножом обрезанные волосы. Белые зубы. Сок от персика на подбородке. Тоже, видимо, любитель незрелых фруктов.

– Что ж, пошли, полечим вашу козу, – сказал Бахмати.

Наиль запрыгал вперед, затем вернулся.

– Мама вам заплатит.

Бахмати вздохнул.

– Сегодня бесплатно.

– Ух ты!

Текла по канавке грязная водица, лежали овалами тени домов, вокруг гремела, дышала, пела на разные голоса жизнь. Дура-бабочка летела куда-то в пустыню, поднимаясь на легких крылышках выше плоских крыш. Шуршал песок. Вышел на улицу ткач Вахиб Торбани, наклонился, вытряхивая камешек из сандалии. За оградой соседней хижины, чему-то улыбаясь, толкла зерна в каменной ступе красавица Санахиб. О, был ли камешек в сандалии? Смотри на Санахиб, трясись ногой.

Солнце наливалось белесым жаром.

Наиль скакал, успевая здороваться со всеми:

– Здравствуйте, дядя Вахиб! Доброго утра, тетя Санахиб! Долгой жизни, бабушка Гимеш.

В спину ему несло:

– Какая я тебе тетя?

– Ах, Наиль, попадись мне!

Бахмати едва сдерживался от хохота.

Оградки, неровные глиняные стены, кое-где на половину человеческого роста поднимались постройки их кирпичча-сырца. Сливы и персики свешивались над головой.

Вода рядом, целое озерцо. И колодцы полны.

– Ну, где твоя коза?

Наиль перепрыгнул вывалившийся из худой стены камень, нырнул в арку двора.

– Сюда, дядя Бахма.

Коза жалобно мекала, косила шальным от боли глазом в хворостяном загончике. Мать Наиля, Зольма, прижимала ее к земле, к вороху сухой травы. Задняя левая нога у козы, мелко трясясь, торчала вбок.

– Что ж вы так... – присел Бахмати.

– Случайно, господин. Не уследила за окаянной, а она под ногу...

Зольма поклонилась ему, не отпуская рук от козы. Та, прекратив мекать, дернула хвостом.

– Вообще-то я ойгон места, – сказал Бахмати.

– Я могу жизнью... – отчаянно посмотрела на него Зольма.

Она была еще красива, только судьба ее складывалась тяжело. Когда войско Сойяндина разбило войско Даррияра, запылала благословенная земля Междуречья. Сгинули родственники, от стрелы погиб муж, Зольма с трехлетним сыном вместе с тысячами людей, бегущих от узкоглазых всадников, подалась на север. Кто-то осел в Шугрене и был убит, когда Сойяндина штурмовал город. Многие повернули западнее, к Великой Порте и тем спаслись, хотя и стали считаться в Порте хуже рабов, бесправными. Зольма пошла восточнее. Кагены Сойяндина, казалось, преследовали ее по пятам. В одном из караван-сараев на Золотом пути погонщики верблюдов чуть не сделали ее «общей» женой, но она сбежала, перерезав глотку одному и лишив глаза другого. Ее бы нагнали, ее почти нагнали, но тут на пути попался Аль-Джибель, небольшой городок-оазис.

И он, Бахмати.

Иногда ему казалось, что в его действиях был холодный, свойственный всякому ойгону расчет. Две пары рабочих рук, две жизни, которые будут платить за охрану. Но иногда – что он увидел в ней себя, изгнанного в пустошь.

Не колеблясь, он пропустил женщину в город, а погонщиков и какой-то шальной, отбившийся от основных сил каген о тридцати всадниках загнал бурей в пустыню. Там они и сгинули пожилой каррикам и мертвому народцу. Никто, насколько он знал, не выбрался.

Зольме отстроили хижину, и она ожила, работая в поле и по хозяйству, растя сына.

– Господин...

– Что? – очнулся Бахмати

– Так сколько возьмете за козу?

Мальчишка не дал ответить. Подсел к матери, обнял.

– Дядя Бахма сегодня бесплатно помогает.

– Правда? – спросила Зольма, и ее красивое лицо осветилось неожиданной радостью.

– Да, – подтвердил Бахмати и осторожно, на коленях, придвинулся к козе. – Я, конечно, не какой-то могущественный ойгон. Но там, где живу...

Он накрыл ладонями сломанную ногу. Коза попробовала было вскочить, но Зольма держала крепко.

– ...я все-таки могу многое, – закончил Бахмати.

Объявись за плечом незрячий мастер Хатум, наверняка увидел бы, как тонкие струйки силы, похожие на завитки дыма, обвивают искалеченную козью ногу, изгибают, вытягивают, выпрямляют, как нужно. А не увидел бы, так и незачем подсматривать, чужие секреты на то и секреты, чтобы лишних глаз не было. Уговор он, видишь ли, со своей стороны исполнил!

Напугал словом. Кашанцог, Кашанцог. Ай-яй. Теперь вот, пожалуйста, хочешь не хочешь, а соответствуй: лечи коз, верблюдов, слонов, собирай прочие заказы на свою глупую голову...

Фух! Бахмати убрал руки.

– Мам, смотри! – воскликнул Наиль.

Коза, мекнув, поднялась на задние ноги. Копытца взрыли землю. Обе ноги были вполне целые. Крепенькие, косматые.

– Можно отпустить, – сказал Бахмати Зольме.

– Мам, – потянул за рукав Наиль.

– Да-да.

Пальцы женщины напоследок огладили желтовато-серую шерсть.

Получившая свободу коза, взбрыкнув, умчалась в дальний угол загона и оттуда победительно стукнулась маленькими рожками об угловое полено. Глупое животное.

– Все? – спросил Бахмати, встав с колен.

– Может быть, молока, господин? – спросила Зольма.

– От нее? – показал пальцем на козу Бахмати.

И расхохотался.

Это была хорошая шутка. О, да, людям он должен был до полуночи помогать бесплатно. Но от козы... Благодарность от козы он принять мог. Козьим же молоком.

Смешно.

Он все еще вытирал выступившие от смеха слезы, когда Зольма вручила ему глиняный кувшин с узким кривым горлом.

– Возьмите, господин.

– Принимаю с козьего позволения.

Бахмати отпил из кувшина.

Молоко было жирное, прохладное, с легкой травяной горчинкой. Кто он, ойгон или человек, если получает от этого удовольствие?

Струйка, щекоча, потекла по подбородку.

– Ох, хорошо-о...

– Дядя Бахма, – невежливо дернул его за полу халата Наиль, – а ты ничего не забыл?

Черные глаза мальчишки смотрели с озорным прищуром.

– Я? – удивился Бахмати. – Нет. Ты просил, я сделал. – Перехватив кувшин, свободной рукой он потрепал Наиля по макушке. – Так что все...

– А это?

Бахмати разве что не взмекнул подобно козе. Мальчишка в обеих руках держал по золотой пластине со зверями.

Откуда?

– Ваше?

– Мое. Конечно, мое.

О, человеческая рассеянность, и ты прилипла ко мне!

Внутренне ругая себя последними словами, Бахмати передал кувшин Зольме, подтянул ослабший кушак (видит Союн, через него незаметно и вывалилось!) и принял пластины от мальчишки. Сдув прилипшие песчинки, он снова устроил зверей за пазуху. Только теперь уже проверил, не вывалятся ли – поповорачивался, понаклонялся, даже подпрыгнул.

– Благодарю тебя, о, Наиль.

– Не стоит, дядя Бахма.

Мальчишка, что-то напевая, ускакал на улицу.

– Будьте счастливы, – прощаясь, кивнул женщине Бахмати.

– И вы, – спрятала улыбку в наклоне головы Зольма.

– Ну, я-то обязательно.

Золото холодило бок липкой тяжестью.

Кто бы из ойгонов вернул найденное? Никто. Самый худой каррик охранял бы сокровище из последних сил. Мое. Мое! Шипел бы, лишался мосластых конечностей, брызгал ядовитой слюной, пока более сильный не забрал приглянувшееся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.